Справедливо задать вопрос: почему я так легко отнесся к просьбе Амале? Почему я не отмахнулся от нее как от шутки, как поступило бы большинство? Еще глупее то, что я поздно понял, почему я все же согласился.

Теперь я был на взводе, зная весь масштаб своей миссии и понимая, что все только начинается. Я старался вести себя как можно более обычно, но это было трудно. Как можно вести себя нормально, когда знаешь, что тебя ждет? Я чувствовал себя одним из тех пророков Судного дня, которые готовятся к концу, пока человечество живет в неведении. Я гулял по Эко-Сити, слыша обрывки разговоров о спорте, драме и не раз об «Антлер Индастриз». От этой темы невозможно было оторваться даже на мгновение.

На следующий день после конференции команда разработчиков спросила меня по поводу нового изобретения. Мне пришлось сказать, что мы с командой маркетологов займемся потенциальной рекламой. Все это было неправдой. Мне нравились люди, с которыми я работал, и я искренне не хотел врать им, но мне пришлось.

Сегодня я проснулся рано и пошел гулять по новой улице в Эко, пытаюсь расслабиться перед работой. Всем известно, что прилагать усилия к тому, что не требует особых усилий, — это как медленно рисовать идеальный круг. Если бы я действительно хотел расслабиться, я бы лежал в постели. Вместо этого я был здесь, через три улицы от 49-ой, вышагивая взад-вперед по кварталу. Я думал, планировал. Амале улетела из страны за несколько часов до этого, и место назначения нашей следующей встречи осталось для меня загадкой. Я был вынужден разорвать с ней отношения, причем еще в большей степени, чем раньше. С точки зрения стороннего наблюдателя, я был новым сотрудником, который довольно назойливо переписывался со своей начальницей, несмотря на ее редкие ответы. Если говорить прямо, то я не был таким уж очаровательным.

До кражи оставалось несколько дней, и я ничего не мог сделать, чтобы ускорить этот процесс.

На краю тротуара показалась гусеница, которая была очень близка к тому, чтобы забрести в страну опасностей в виде ботинок и высоких каблуков. Она остановилась, поворачивая свое тело влево и вправо, как осторожный пешеход. Она поворачивалась и поворачивалась, застыв в нерешительности или по какой-то другой причине, которую я не мог понять. Затем она вернулась к корню дерева гинкго, из которого выползла. Я полагаю, что во всем животном мире было принято спасать свою шкуру, или что там у гусениц, возможно, что-то вроде пушистой шерсти.

К тому времени, когда мне предстояло вернуться на работу, в моем организме не было ни кофеина, ни сосредоточенности. Только когда я вошел в свой кабинет, я окончательно проснулся. Он, строгий и сердитый, сидел в моем кабинете и ждал меня.

— Я знаю, кто ты, Натаниэль.

— Очень на это надеюсь.

Мне никогда не нравилось, когда люди говорили мне это. Мне не нравились ни их тон, когда они это говорили, ни взгляд в их глазах.

— Ты преступник. Ужасный, злой преступник, настолько злой и ужасный, что даже когда его поймали за преступления, он не понес никакого наказания, никакого правосудия. Ты обрек других на судьбу, которая была уготована тебе, и был вознагражден за это. Ты представляешь угрозу. Несмотря на твое внешнее обличье, ты, возможно, самый злой человек из всех, кого я встречал, если не по мотивам, то по случайным последствиям. Я не сомневаюсь, что, что бы ты

ни сделал, это будет мерзкое и катастрофическое действие.

— А ты не тот, за кого я тебя принимал. Полагаю, это нас объединяет.

Наступила пауза, когда мы встретились взглядами. Он отвернулся. Я заговорил первым:

— Почему ты пришел сюда, чтобы рассказать мне об этом, Уилл? Я думал, мы друзья.

«Веселый ресепшионист» снова перевел взгляд на меня, теперь уже полный ненависти.

— Мы не друзья. Я удивлен, что такой преступник, как ты, так уязвим для обмана.

— Может, хватит называть меня преступником? В этом нет необходимости.

— Есть. Ты все еще преступник, так что это самое подходящее описание.

Я сел за свой стол. В голове все еще ничего не укладывалось. Не совру, если скажу, что, несмотря на удивление, я был спокоен. Наверное, даже когда друг объявляет себя кем угодно, я все равно вижу лицо друга. Это само по себе успокаивает.

— Уилл, я полагаю, это ты преследовал меня.

Он рассмеялся хриплым, пустым смехом.

— Да, я. Я могу простить тебя за то, что ты этого не заметил. Все в порядке.

— Тогда, я полагаю, ты пошел и поговорил с детективом? — спросил я.

Он перестал улыбаться. На его кустистых бровях появилось выражение беспокойства. Я продолжил:

— Так вот оно что. Понятно.

Я откинулся на спинку кресла, задумавшись.

— Она...

— Остается вопрос, мой дорогой друг: зачем ты пришел в мой кабинет?

Он поднял руку, чтобы прервать меня, но я не желал останавливаться:

— Если ты пытался получить улики, то очевидно, что все безрезультатно. По крайней мере, ты мог бы убедить кого-нибудь другого заняться мной. Кого-нибудь более компетентного.

Прочистив горло, Уилл начал говорить:

— Причина, по которой я здесь...